Сокуров Александр 06.09.01

КИНО КАК СОН

Искусство кино. - 2001. - № 6. - с. 5

Александр Сокуров в Венецию не приехал. Он прислал «Элегию дороги»

«Элегия дороги» – один из двух фильмов, которые представляют Россию на 58-м Венецианском кинофестивале. 3 сентября около 6 вечера он впервые был показан публике. Венеция и Канны любят Сокурова. В прошлом году на Венецианском фестивале показывали «Дольче» – предыдущий сокуровский фильм из серии «Элегии». А сегодня Венеция увидит «Сестер» Сергея Бодрова-младшего.

Даже такая мерзкая церемония, как простановка штампа в паспорт, становится у Сокурова кадром с большой буквы.
Кадр из фильма «Элегия дороги»

Михаил Сидлин

САМЫЙ странный из всех странных фильмов Сокурова. «Элегия дороги» – сказка о путешественнике, который преодолевает иллюзорное пространство, чтобы попасть в воображаемое прошлое. Ни популярности, ни славы. Из «Сала Перла» все время показа тонкой струйкой вытекали люди, и к концу фильма и так наполовину пустой зал был едва заполнен...

Он живет в особом пространстве. Время там течет медленно, а ритм затягивает, как медитация. Или выталкивает. Нет разницы – «художественный» это фильм или «документальный». Сокуров все равно остается Сокуровым.

Он создал особый жанр – «элегия». С 1986-го он снимает их – «московская», «петербургская», «советская»; «Элегия дороги» – девятая. Грань между «художественным» и «документальным» совершенно стерта в этом жанре. И последняя картина Сокурова ясно дает понять, почему эта грань для режиссера так несущественна. Сокуров снимает сны.

«Жизнь есть сон», – писал Кальдерон. А следом за ним – и остальные. Сокуров самый последовательный русский приверженец сновидческого кино. Визуальное пространство его новой элегии с самого начала – зыбкая, дрожащая картинка, как марево, – нечто ускользающее, туманное, неопределенное. Снег, 2 солдата, идущие по тропе между сугробов, дерево, которое все еще несет свои цветы, несмотря на метель. Все это – в размыве – так, словно между зрителем и кадром протянута невидимая пелена.

Как я здесь оказался? Почему эти люди так пристально разглядывают меня? Весь фильм – авторский монолог. Другие голоса приходят только как звуковой фон – на заднем плане. И весь фильм состоит из вопросов, которые Сокуров сам задает себе. И часто не знает ответа. Это вопросы, которые приходят в голову спящему, – он видит странные места и неизвестных людей. Он пытается разобраться, но не может понять, к чему все это и чем он занимается. Кто я? Куда я иду?

Спящий особым образом видит себя во сне: откуда-то сверху. В центре фильма – Сокуров собственной персоной, снятый издали в размыве, или сзади, из-за плеча, нерезко, или с каких еще точек, из которых никто никогда не снимает главного героя. Тем более – себя. Или – крупным планом – пальцы Сокурова, которые разглаживают долго и трепетно табличку на картине с надписью «Петер Санредам». И это – ключевой момент.

Финский порт. Российская граница. Православный монастырь. Голландский музей. Все эти вполне конкретные места, где снимался фильм, не узнаваемы в картине. «Граница», «порт», «монастырь», «музей» здесь – знаки душевных состояний, символы странствия души, но не пространства, населенные реальными людьми. Подлинная реальность для Сокурова начинается там, где он входит в картину.

Роттердам. Музей Бойманс ван Бёйнинген. Полотно Питера Санредама «Площадь святой Марии». Вот где Сокуров находит себя. И блестящая операторская работа Александра Дегтярева ему в этом помогает: плоскость картины Санредама становится трехмерной, объемной, живой. Маленькие условные человеческие фигурки голландского живописца выглядят реальней, чем до того лица пограничников, снятые крупным планом, – они казались только ночными кошмарами, а фигурки оживают под камерой Дегтярева. Сокуров интерпретирует полотно как собственную жизнь.

Эти люди часто оставались здесь, они все время что-то обсуждали. А это окно все время было заперто – никто из нас не знал, что за окном, но Питер нарисовал его открытым. А дети на этом месте никогда не играли. Сокуров рассказывает о событиях на площади святой Марии так, как будто он жил вместе со всеми нарисованными людьми и самим художником (умершим, замечу, много веков назад). Он комментирует картину Санредама в такой необычайной и странной манере, что ей веришь сразу, безоговорочно (или уходишь). Ни в голосе Сокурова, ни в самой «Элегии дороги» нет и тени иронии. Как и во сне.

Нет никаких прямых свидетельств о реальности. Все размыто. И пространство, написанное на ~~не~~полотне, подлинней окружающего нас пространства. А внутренний голос гораздо сильнее, чем внешние обстоятельства. Таков Сокуров. Мистик. Визионер. Самый странный из всех российских режиссеров. И, несомненно, самый талантливый. ■

Венеция